

УДК 81-22

И. Ю. Иеронова, С. Н. Соскина

СУБЪЕКТОГЕНЕЗ В СИНТАКСИСЕ КАК РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРБАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

5

Анализируются и сопоставляются теоретические положения о типах грамматического предложения в связи с историей мышления, выдвинутые Лосевым, и «теория трех ареалов» Г. Гийома, согласно которой выделяются внутрифразовая и внефразовая морфология. Процесс когнитивной эволюции в мышлении рассматривается в диахронии: от мифологического мышления к вербально-логическому, которое находит свое полное воплощение в номинативном строе и в формировании категории субъекта в синтаксисе (субъектогенез). Рассматривается влияние внешних факторов на тип мышления, что воплощается в определенной грамматической структуре. Делается вывод о том, что филогенетически «первичное» архаическое мышление людей по своим когнитивно-информационным характеристикам является мышлением преимущественно образным, правополушарным.

Theoretical postulates about the types of grammatical sentences are analysed and compared in reference to the history of thinking put forward by Losev and “the theory of three areals” by G. Guillaume, according to which in-phrasal and out-phrasal morphologies are identified. The process of cognitive evolution of thinking is studied diachronically: from mythological thinking to verbal-logical thinking that is entirely manifested in the nominal structure and in the formation of the category of subject in syntax (subject formation). The influence of outer factors on the thinking type, which is implemented in certain grammar structure, is also considered. The conclusion is: cognitive-informational characteristics of phylogenic “primary” archaic thinking of people is mainly imaginative, right-brain thinking.

Ключевые слова: тип мышления, грамматический тип предложения, внутрифразовая и внефразовая морфология, грамматические категории, логические категории, инференция, инциденция, тип коммуникации, субъектогенез, когнитивная эволюция.

Key words: thinking type, grammatical sentence, in-phrasal and out-phrasal morphology, grammatical categories, logical categories, inference, incidence, communication type, subject formation, cognitive evolution.

Многих лингвистов волновал и по-прежнему волнует вопрос о происхождении языка, а следовательно, и о древнем синтаксисе, о типах архаического предложения, о связи грамматического типа предложения с определенной мифологией и мышлением. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме и попытался решить ее, был А. Ф. Лосев, ко-

торый указал на наличие логической связи типов предложения с типами действительности или мышления [4, с. 248]. Основные постулаты концепции А. Ф. Лосева базируются на том, что многие формы предложения в архаических языках были пропозициональны по своей сути, хотя и представляли собой слова-предложения, характерные для инкорпорированного строя. Лосев предложил свое понимание инкорпорированного строя как области «пропозициональной лексики» [4, с. 246]. Однако, как отмечал ученый, не следует полагать, что вся история логической мысли человека строится только на основе типологии грамматического строя предложения.

6

Основные типы архаического предложения были предметом исследования многих ученых. Несмотря на то что Г. Гийом специально не занимался синтаксисом, нам представляется, что многие его теоретические положения и идеи могут послужить как теоретической, так и методологической базой для исследования обозначенной выше проблемы.

Как отмечает выдающийся специалист в области исследования лингвистического наследия Г. Гийома Л. М. Скредина, его идеи, будучи представленными в виде целостной концепции языкотворчества, которая отражает основные этапы развития общей анонимной мысли, складываются в доктрину ментализма [7, с. 192]. Хотя А. Ф. Лосев никогда не заявлял о себе как о представителе ментализма в языкознании, мы считаем, что многие его идеи созвучны теории Г. Гийома в той части, где речь идет о связи языка и мышления на самых древних этапах развития человечества. По сути, Лосев в своих работах говорит о когнитивной эволюции как о смене основных когнитивных типов мышления.

Г. Гийом, как и А. Ф. Лосев, придавал большее значение диахронии и был убежден, что в глубинах человеческого сознания, в подсознании содержатся имплицитные схематические абстракции, сформировавшиеся в процессе глоттогенеза.

Считается, что одним из первых в истории языкознания тезис об исторической изменчивости типов предложения выдвинул великий русский лингвист А. А. Потебня. Именно ему принадлежит учение о стадиальности развития синтаксического строя славянских (и, шире, индоевропейских) языков [1, с. 3–27]. Эволюция языка и эволюция мышления составляют в теории Потебни неразрывное диалектическое единство.

Такое же понимание языка как целостного «потока сознания», непрерывно изменяющегося и формирующегося, свойственно как Лосеву [4, с. 471], так и Гийому [2, с. 146–147]. Основным инструментом упорядочивания турбулентности мышления выступают определенные психомеханизмы, с помощью которых создается язык, происходит «схватывание мысли, ее перехват», одновременно этот процесс увеличивает потенцию человеческого мышления [2, с. 146].

Потебня не смог в своей теории стадиальности выйти за пределы языка, как это сделал позже Лосев. Используя дихотомию Ф. де Соссюра об антиномии внутренней и внешней лингвистики и предположив, что на становление структуры простого предложения в диахронии могли повлиять тип мышления и исторический тип формации, Лосев показал тесную связь стадиальности в синтаксисе с такой философско-истори-

ческой категорией, как общественно-историческая формация, что предполагает постепенное формирование категории субъекта как в мышлении, так и в языке. Следует отметить, что эволюция типов предложения и ее связь с развитием мышления тесно сопряжена с проблемой происхождения языка.

Одну из блестящих, на наш взгляд, гипотез выдвинул отечественный ученый А.Ф. Лосев. В качестве материала исследования для установления особенностей и основных характеристик инкорпорированного мышления он избрал палеоазиатские языки (существующие на территории России и доступные наблюдению) и сходные с ними индейские языки Северной Америки, относящиеся к инкорпорированному строю. Как мы уже отмечали, суть инкорпорации в том, что в качестве основной единицы коммуникации в языках этого строя употреблялось комплексное слово-предложение, или предложение-слово (термин Л.М. Скрелиной [7, с. 34]). Инкорпорированный синтаксис не имеет ни частей речи, ни членов предложения: слово-предложение строится в этих языках путем простого комбинирования разных основ (корней) без какого-либо их морфологического оформления, представляя собой единую структуру, единый звуковой комплекс.

Свой взгляд на инкорпорацию Гийом предлагает в теории «трех ареалов», изложенной в пятом томе «Лекций по лингвистике». В словепредложении он видит объединение двух этапов, которые составляют речевую деятельность (этап языка и этап речи), сосуществующих здесь одновременно. В индоевропейских языках эти этапы разделены во времени. Речь использует уже готовый, сформированный материал — слова и их морфологические показатели, а также их синтаксические функции. Важным фактором при оформлении и выражении мысли в индоевропейских языках выступает оперативное время. В инкорпорированных же языках (в терминологии Гийома — «примитивных, относящихся к первому ареалу») два этих этапа осуществляются одновременно: на первом формируются представления (мы бы сказали, эйдетические образы), на втором — выражение, называющее всю ситуацию в целом. Таким образом, в «примитивных языках» между ними нет интервала (отсутствует оперативное время) [2, с. 207]. Ни один элемент слова-предложения не является частью речи со своими формальными признаками и не обладает синтаксическим значением в нашем современном понимании. Более того, все элементы такого комплекса аморфны. В определенной мере можно сказать, что единственным синтаксическим показателем в этих языках выступает порядок следования компонентов. Таким образом, отсутствие морфологии свидетельствует об инкорпорированном мышлении, которое воспринимает действительность синкретично, недискретно, оно называет ситуацию. По нашему мнению, слово-предложение в инкорпорированных языках выполняет две функции: номинативную и пропозициональную, так как не только осуществляет номинализацию ситуации, но и является коммуникативной единицей, передающей информацию о некоем событии. В связи с тем что древний синтаксис оперирует аморфными словами-основами, в которых присутствует лишь самая общая идея, можно

сделать следующие выводы: 1) вещи здесь мыслятся «в виде расплывчатых чувственных пятен»; 2) отсутствие морфологии становится показателем неразличения в мышлении «сущности и явления» [4, с. 255]. Для инкорпорированного мышления, очевидно, не существует дискретной вещи как таковой, а следовательно, и ее признаков. В нем все дано во всем, человек еще не выделил себя из универсума, он тоже его неотъемлемая часть, нет ни субъекта, ни объекта [4, с. 257]. Отсутствие частей речи говорит о том, что в этом мышлении нет и дискретных логических категорий в привычном нам смысле слова. Они действуют тут сразу и одновременно, что перекликается с идеей Гийома о симультанности двух этапов в примитивных языках. Так, Г. Гийом считает, что инкорпорированным языкам не свойственна операция, которая в глоттогенезе индоевропейских языков приводит к формированию слова, обладающего не только аморфным понятием (некой общей идеей), но и формой, то есть принадлежащего к определенной части речи [2, с. 26–28]. Таким образом, в типологии языков, по мнению Г. Гийома, решающее значение играет типология слова, которая в конечном итоге и приводит к механизму образования составных языковых единиц (различных типов предложения). Анализируя механизмы и факты речепорождения в различных языках, он выделяет внутрифразовую (когда вся морфология заключена в предложении — в слове-предложении, то есть слово еще не имеет формы) и внефразовую морфологию, где значение в слове интегрируется с формой и поступает в речь уже в готовом виде [2, с. 40–42].

Лосев называет такую логику и идеологию («внутрифразовость», по Гийому) мифологией, подчеркивая, что «логически все это мифологическое понимание коренится в нумерическом, вещественно-материальном отождествлении целого и частей» [4, с. 260; 2, с. 39]. Более того, Лосев одним из первых проводит, на наш взгляд, интересную параллель между инкорпорированным синтаксисом и мифом, объявляя инкорпорированное предложение логическим аналогом мифа. Используя терминологию Гийома, мы можем отметить, что на этом этапе становления и развития мышления еще не сформировались основные психомеханические операции универсализации/партикуляризации, проявляющиеся в движении мысли от общего к частному (единичному) и от единичного к общему. Эта гипотеза полностью согласуется с теорией А. Ф. Лосева, который считал, что основные синтаксические типы предложения (мифологический, прономинальный, посессивный, эргативный и номинативный), их становление и развитие являются основными вехами на пути истории развития абстрагирующей функции мышления. Развитие этой функции представляло собой длительный процесс, происходивший параллельно становлению самого человека, его социализации, развитию его коммуникативных способностей, освоению действительности, что в итоге привело к совершенствованию и эволюции языка как семиотической системы. Можно сказать, что Лосев постулирует аморфное мышление (в виде расплывчатых чувственных пятен) в качестве начального этапа эволюции мышления. Лосев отмечает и основную характеристику инкорпорированного мышления — возмож-

ность мыслить любую единичность только в ее тождестве с родовым понятием. Отличительной чертой такого мышления является «взаимопревращение всего во все», или «всеобщее оборотничество» [4, с. 265]. Инкорпорированное мировоззрение, лежащее в основе инкорпорированного мышления, строится на двух основных понятиях — тотемизме и фетишизме. Однако в нем уже имеется абстрагирующая деятельность мышления, в результате которой на основе чувственности и чувственных образов происходит первичное упорядочивание бесформенного хаоса, что является показателем определенных мыслительных операций. Такое мышление можно назвать эйдетическим, или образным, поскольку, по нашему мнению, оно связано с преобладанием правополушарного мышления, характерного для архаичного периода глоттогенеза.

Более того, мысль о том, что тип языка и тип мышления зависят в том числе и от типа коммуникации в глоттогенезе, сформулирована Г.П. Мельниковым в его работе «Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной» [5]. Согласно теории Мельникова, тип коммуникации, свойственный определенному типу языкового коллектива, существенно влияет на синтаксический строй предложения. По словам ученого, в микроколлективе (очень маленьких языковых коллективах, как, например, племя охотников-собирателей) «каждый знает каждого и почти все о каждом, и обычно все члены такого микроколлектива являются свидетелями событий, представляющих для них общий интерес; главным “героем” этих событий оказывается сам коллектив (или некоторая его часть)» [5, с. 3]. В таком языке грамматический строй существенно отличается от того, какой представляется естественным для членов больших языковых коллективов. Поскольку говорящий, как правило, сам догадывается, что именно в данный момент интересуется собеседника, естественно, что формируемое говорящим сообщение не нуждается в теме, коммуникативно оно обычно бывает рематическим, то есть состоящим из одной лишь ремы. Иначе говоря, большую роль, по нашему мнению, в этих микроколлективах играла инференция. Если связать идеи Лосева и Мельникова (мифологическое мышление, тотемизм, фетишизм и тип коммуникации — коммуникация внутри одного рода, на очень маленьком ограниченном пространстве, внутри микроколлектива), то можно предположить, что этот тип мышления очень близок к тому, что биологи называют коллективным разумом, который наблюдается у пчел, муравьев и дельфинов.

Следующим важнейшим этапом на пути развития абстрагирующего мышления и логики, по мнению Лосева, является двучленная инкорпорация, в которой уже намечается выделение двух частей: инкорпорация подлежащего и инкорпорация сказуемого. Важно отметить, что и подлежащее, и сказуемое в таком типе предложения определяются в основном порядком своей постановки в предложении. Однако сказуемое в этом строе получает некий специальный показатель сказуемости, что представляет собой огромный шаг вперед в развитии мышления [4, с. 281]. В двучленной инкорпорации подлежащее понимается как определяемое и нечто внутреннее, а сказуемое — как определяющее и нечто внешнее. Употребляя терминологию Г. Гийома, мы можем

говорить о начале формирования такой мыслительной операции, как инциденция (в данном случае, очевидно, внешняя), представляющая собой соединение опоры мысли и вклада в ее развитие [2, с. 122–123].

Дальнейшей вехой на путях развития абстрагирующего мышления становится постепенный переход к личностоименному оформлению сказуемого, что характерно для прономинального строя. Хотя мы еще не можем в полной мере говорить о выделении частей речи и формировании членов предложения, в таком предложении постепенно развиваются показатели подлежащего (так, имя получает собственный показатель — нечто вроде индоевропейского артикля), а сказуемое, представляющее собой тоже имя, присоединяет к себе нечто вроде личного местоимения, напоминающего в определенной степени индоевропейскую флексию в 1-м лице. Кроме того, имя-сказуемое в этом типе предложения получает показатели времени и вида. Таким образом, несмотря на то что сказуемое еще является именем, в мышлении постепенно складывается представление о формировании идеи времени. Именно хроногенез, согласно теории Гийома, лежит в основе формирования такой части речи, как индоевропейский глагол [2, с. 115]. Отсутствие эксплицитно выраженных падежей (и в первую очередь именительного) свидетельствует о том, что субъект еще не мыслится активным, подлежащее прономинального строя — пассивно. В своих работах, посвященных становлению и развитию грамматических типов предложения, Лосев неоднократно подчеркивает тот факт, что ни один из существующих языков нельзя свести к определенному чистому типу. Этот же тезис выдвигает в своей теории «трех ареалов» и Г. Гийом. Так же как Лосев, он считает, что в любом современном языке индоевропейской семьи, относящемся к номинативному строю, можно наблюдать следы прежних стадий синтаксического развития и особенностей мышления того или иного периода. Гийом отмечает, что «существование предложения-слова ставит в психосистематике проблему классификации языков как проблему выбора в развитии структуры языка. Или язык идет по линии изменения механизма предложения-слова и превращения предложения-слова в слово-глагол, или язык идет по линии сохранения механизма предложения-слова, достигая очищения этого образования от всего частного и закрепляя в нем реляционную схему» [4, с. 36].

Следующей ступенью развития мышления и оформления его достижений Лосев считает посессивный строй и посессивное предложение (эскимосские и другие палеоазиатские языки). Основная особенность этого типа предложения заключается в том, что функцию сказуемого (предиката) выполняет имя, к которому присоединяется дериват личного местоимения, представляющий собой притяжательную частицу. Другой не менее важной особенностью посессивного предложения является то, что притяжательное сказуемое не имеет конкретного дополнения, но указывает на него в самом общем виде. Однако отсутствие глагола в личной форме и оформление субъекта действия притяжательным местоимением говорят о пассивности субъекта. Действия не совершаются им, а только принадлежат ему, поэтому Лосев и эту стадию посессивного мышления оценивает как фетишизм, но уже продвинутый фетишизм: в нем появляется некое подобие подлежащего и

сказуемого, некое понимание субъекта, которому уже многое принадлежит. Из этих положений Лосев делает очень важный вывод о том, что посессивный строй — это «огромный этап на пути языка и мышления и потому огромный этап также для исторической грамматики и для истории логики» [4, с. 294].

Очередной вехой на пути формирования и развития синтаксической категории субъекта является эргативный строй. Эргативное предложение представляет собой гораздо более совершенный тип предложения: оно имеет место и в североазиатских языках (чукотский, коряцкий, камчадальский), но наибольшее развитие получило в иберийско-кавказских языках как картвельской группы (грузинский, сванский, мегрелочанский), так и горской (абхазский, даргинский, лезгинский и др.), а также в языке басков. Имеется оно и в архаических языках Северной Америки, Азии (Индокитай), Австралии и Меланезии.

Впервые в синтаксисе начинают различаться имена и глаголы, наступает очередь различения переходности и непереходности действия от субъекта на объект. Эргативное предложение пытается укрепить значение субъекта. Однако активность субъекта в нем еще не выражена в чистом виде. Можно отметить важный прогресс в развитии логического мышления: субъект в эргативном строе не только начинает оформляться как идентификация деятеля, но и получает определенное грамматическое выражение в виде эргативного падежа. Эргативное подлежащее уже мыслится как активное, что представляет собой важный шаг в понимании его как субъекта действия. Таким образом, это важное продвижение к номинативному строю. Однако эргативный субъект все еще сочетает в себе активность с пассивностью.

Прогрессом в развитии абстрактно-логического мышления человечества становится номинативный строй в синтаксисе. Именительный падеж и есть падеж субъекта, когда субъект мыслится как субъект же, как активный деятель. Лосев одним из первых поднимает значимый вопрос о соотношении грамматических и логических категорий, так как именно в номинативном строе сформировались грамматические категории в своей завершенности, что позволяет провести сравнение этих категорий с логическими и тем самым открыть путь для систематической увязки номинативного синтаксиса с формами мышления вообще.

На наш взгляд, Лосев делает очень важный вывод о том, что грамматические категории есть результат осмысления действительности и ее понимания, закрепленный в языке, а логические категории есть результат категоризации отвлеченного смысла, иначе говоря, различие между грамматическими и логическими категориями является различием между пониманием и мышлением. Таким образом, развитая морфология свидетельствует о том, что мышление дошло до способности устанавливать четкие закономерности в природе и обществе. Именно номинативный строй в синтаксисе позволяет представить субъект в синтаксисе и в логике в его полной самостоятельности и обобщенности.

По сути, определенная дифференциация происходит не только в грамматическом предложении, но и в логическом суждении и, возможно, большую роль в мышлении начинает играть левое полушарие: от «эйдетического» правополушарного мышления, свойственного инкорпорирующим языкам, в индоевропейских языках с их номинативным строем совершается переход к преобладанию левополушарного мышления (абстрактно-логического, вербально-логического).

Нашу гипотезу подтверждают исследования И. П. Меркулова. Основываясь на экспериментальных данных, в своей работе «Когнитивные типы мышления» он пришел к выводу о том, что филогенетически «первичное» архаическое мышление людей по своим когнитивно-информационным характеристикам является мышлением преимущественно образным, правополушарным [6, с. 70–83].

Список литературы

1. *Виноградов В. В.* Учение А. А. Потебни о стадильности развития синтаксического строя в славянских языках // Вестник Московского университета. 1946. №3–4.
2. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
3. *Левицкий Ю. А., Боронникова Н. В.* История лингвистических учений. М., 2005.
4. *Лосев А. Ф.* О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. М., 1982.
5. *Мельников Г. П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М., 2000.
6. *Меркулов И. П.* Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание (Когнитивная эволюция. Развитие научного знания. Эволюция мышления). М., 2000.
7. *Скрелина Л. М.* Методическая разработка и учебные задания к спецкурсу «Грамматическая синонимия». Л., 1984.

Об авторах

Ирина Юрьевна Иеронова — канд. филол. наук, д-р пед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: irinarch52@mail.ru

Светлана Николаевна Соскина — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: soskinasn@mail.ru

About the authors

Prof. Irina Ieronova — I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: irinarch52@mail.ru

Prof. Svetlana Soskina — I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: soskinasn@mail.ru